

Мама говорит, что когда-то я просыпался с улыбкой на лице. Было это, надо полагать, году в сорок третьем. Представляете себе: кругом война, бомбардировщики, эвакуация, а я лежу и улыбаюсь...

Сейчас все по-другому. Вот уже лет двадцать я просыпаюсь с отвратительной гримасой на запущенной физиономии.

Напротив моего окна светящаяся вывеска — «Колониальный банк». Неоновые буквы вздрагивают и расплываются. Светает.

Хозяйка ланчонета миссис Боно с грохотом поднимает железную решетку.

Из мрака vyplывает наш арабский пуфик, детские качели, шаткое трюмо... Бонжур, мадемуазель Трюмо! Привет, сеньор Качелли! Здравствуйте, геноссе Пуфф!

Мне пора. Я — радиожурналист. Точнее — анкермен, ведущий. Мы вещаем на Россию. Радиостанция «Третья волна». Программа «События и люди». Наша контора расположена в центре Манхэттена.

В России ускорение и перестройка. Там печатают Набокова и Ходасевича. Там открывают частные кафе. Там выступает рок-группа «Динозавры». Однако нас продолжают глушить. В том числе и мой не очень звонкий баритон. Говорят, на это расходуются большие деньги.

У меня есть идея — глушить нас с помощью все тех же «Динозавров». Как говорится, волки сыты, и овцы целы.

Я спешу. Солдатский завтрак: чашка кофе, «Голуаз» без фильтра. Плюс заголовки утренних газет:

«Еще один заложник... Обстреляли базу террористов... Тим О'Коннор добивается переизбрания в Сенат...»

Впрочем, нас это волнует мало. Наша тема — Россия и ее будущее. С прошлым все ясно. С настоящим — тем более: живем в эпоху динозавров. А вот насчет будущего есть разные мнения. Многие даже считают, что будущее наше, как у раков, — позади.

Час в нью-йоркском сабвее. Ежедневная психологическая гимнастика. Школа выдержки, юмора, демократии и гуманизма. Что-то вроде Ноева ковчега.

Здесь самые толстозадые в мире полицейские. Самые безликие менеджеры и клерки. Самые темпераментные глухонемые. Самые шумные подростки. Самые вежливые бандиты и грабители.

Здесь вас могут ограбить. Однако дверью перед вашей физиономией не хлопнут. А это, я считаю, главное.

Радио «Третья волна» помещается на углу Сорок девятой и Лексингтон. Мы занимаем целый этаж гигантского небоскреба «Корвет». Под нами — холл, кафе, табачный магазин, фотолаборатория.

Здесь всегда прогуливаются двое охранников, белый и черный. С белым я здороваюсь как равный, а перед черным немного заискиваю. Видно, я демократ.

На радио я сотрудничаю уже десять лет. В первые же дни начальник Барри Тарасевич объяснил мне:

— Я не говорю вам — что писать. Я только скажу вам — чего мы писать категорически не

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

должны. Мы не должны писать, что религиозное возрождение с каждым годом ширится. Что социалистическая экономика переживает острый кризис. И так далее. Все это мы писали сорок лет. За это время у нас сменилось четырнадцать главных редакторов. А социалистическая экономика все еще жива.

— Но она действительно переживает кризис.

— Значит, кризис — явление стабильное.

Упадок вообще стабильнее прогресса.

— Учту.

Барри Тарасевич продолжал:

— Не пишите, что Москва исступленно бряцает оружием. Что кремлевские геронтократы держат склеротический палец...

Я перебил его:

— На спусковом крючке войны?

— Откуда вы знаете?

— Я десять лет писал это в советских газетах.

— О кремлевских геронтократах?

— Нет, о ястребах из Пентагона.

Иногда меня посещают такие фантазии. Закончилась война. Америка капитулировала. Русские пришли в Нью-Йорк. Открыли здесь свою комендатуру.

Пришлось им наконец решать, что делать с эмигрантами. С учеными, писателями, журнали-

стами, которые занимались антисоветской деятельностью.

Вызвал нас комендант и говорит:

— Вы, наверное, ожидаете смертной казни? И вы ее действительно заслуживаете. Лично я собственными руками шлепнул бы вас у первого забора. Но это слишком дорогое удовольствие. Не могу я себе этого позволить! Кого я посажу на ваше место? Где я возьму других таких отчаянных прохвостов? Воспитывать их заново — мы не располагаем такими средствами. Это потребует слишком много времени и денег... Поэтому слушайте! Смирно, мать вашу за ногу! Ты, Куроедов, был советским философом. Затем стал антисоветским философом. Теперь опять будешь советским философом. Понял?

— Слушаюсь! — отвечает Куроедов.

— Ты, Левин, был советским писателем. Затем стал антисоветским писателем. Теперь опять будешь советским писателем. Ясно?

— Слушаюсь! — отвечает Левин.

— Ты, Далматов, был советским журналистом. Затем стал антисоветским журналистом. Теперь опять будешь советским журналистом. Не возражаешь?

— Слушаюсь! — отвечает Далматов.

— А сейчас, — говорит, — вон отсюда! И помните, что завтра на работу!

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Радио «Третья волна» — это четырнадцать кабинетов, два общих зала, пять студий, библиотека и лаборатория. Плюс коридор, отдел доставки, техническая мастерская и хранилище радиоаппаратуры.

Кабинеты предназначены для штатных сотрудников. Общие залы, разделенные перегородками, для внештатных. Здесь же работают секретари и машинистки. В особых нишах — теле-тайп, селектор и копировальное устройство.

Есть специальная комната для вахтера.

В Союзе о нашей радиостанции пишут брошюры и книги. Десяток таких изданий есть в редакционной библиотеке:

«Паутина лжи», «Технология ненависти», «Мастера дезинформации», «Под сенью ФБР», «Там, за железной дверью». И так далее.

Кстати, дверь у нас стеклянная. Выходит на лестничную площадку. У двери сидит мисс Филлипс и вяжет.

В брошюрах нашу радиостанцию именуют зловещим, тайным учреждением. Чем-то вроде неприступной крепости. Расположены мы якобы в подземном бункере. Охраняемся чуть ли не баллистическими ракетами.

В действительности нас охраняет мисс Филлипс. Если появляется незнакомый человек, мисс Филлипс спрашивает:

— Чем я могу вам помочь?

Как будто дело происходит в ресторане.

Если же незнакомый человек уверенно проходит мимо, охранница восклицает:

— Добро пожаловать!..

Сюда можно приводить друзей и родственников. Можно приходить с детьми. Можно назначать тут деловые и любовные свидания.

Уверен, что сюда нетрудно пронести бомбу, мину или ящик динамита. Документов здесь не спрашивают. Не знаю, есть ли какие-то документы у штатных сотрудников. У меня есть только ключ от редакционной уборной.

На радио около пятидесяти штатных сотрудников. Среди них имеются дворяне, евреи, бывшие власовцы. Есть шестеро невозвращенцев — моряков и туристов. Есть американцы русского и местного происхождения. Есть интеллигентный негр Руди, специалист по творчеству Ахматовой.

Попадают на радио довольно замечательные личности. Есть внучатый племянник Керенского с неожиданной фамилией Бухман. Есть отдаленный потомок государя императора — Владимир Константинович Татищев.

Как-то у нас была пьянка в честь дочери Сталина. Сидел я как раз между Татищевым и Бухманом. Строго напротив Аллилуевой.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Справа, думаю, родственник Керенского. Слева — потомок императора. Напротив — дочка Сталина. А между ними — я. Представитель народа. Того самого, который они не поделили.

Мой редактор по образованию — театровед. Работал на московском телевидении. Был тарифицирован в качестве режиссера. Поставил знаменитый многосерийный телефильм «Будущее начинается сегодня». Стал задумываться об экранизации Гоголя. Поссорился с начальством. Эмигрировал. Обосновался в Нью-Йорке. Поступил на радио.

Тарасевич быстро выучил английский. Стал домовладельцем. Увлёкся выращиванием грибов. Я не оговорился, именно грибов. Подробности не знаю.

Первые годы все думал о театре. Пытался организовать труппу из бывших советских актеров. И даже поставил один спектакль. Что-то вроде композиции по «Миргороду».

Премьера состоялась на Бродвее. Я был в командировке, пойти не смог. Потом спросил у одного знакомого:

- Ты был? Ну как?
- Да ничего.
- Народу было много?

— Сначала не очень. Пришел я — стало значительно больше.

Тарасевич был довольно опытным редактором и неглупым человеком. Вспоминаю, как я начал писать для радио. Рецензировал новые книги. Назойливо демонстрировал свою эрудицию.

Я употреблял такие слова, как «философема», «экстраполяция», «релевантный». Наконец редактор вызвал меня и говорит:

— Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают только аспиранты МГУ.

Года три у нас проработал внештатным сотрудником загадочный религиозный деятель Лемкус. Вел регулярные передачи «Как узреть Бога?». Доказывал, что это не так уж сложно.

Тарасевич, поглядывая на Лемкуса, говорил:

— Может, и хорошо, что нас глушат. Иногда это даже полезно. Советские люди от этого только выигрывают.

Лемкус обижался:

— Вы не понимаете, что такое религия. Религия для меня...

— Понимаю, — жестом останавливал его Тарасевич. — Источник заработка.

В коридоре мне попался диктор Лева Асмус. Лева обладал красивым низким баритоном удивительного тембра. Читал он свои тексты просто, выразительно и без эмоций. С той мерой равнодушия, которая отличает прирожденных дикторов.

Асмус проработал на радио восемь лет. За эти годы у него появилась довольно странная черта. Он стал фанатиком пунктуации. Он не только следовал всем знакам препинания. Он их четко произносил вслух. Вот и теперь он сказал:

— Привет, запятая, старик, многоточие. Срочно к редактору, восклицательный знак.

— Что случилось?

— Открывается симпозиум в Лос-Анджелесе, точка. Тема, двоеточие, кавычки, «Новая Россия», запятая, варианты и альтернативы. Коротко говоря, тире, очередной базар. Тебе придется ехать, многоточие.

Этого мне только не хватало.

Должен признаться, что я не совсем журналист. Я с детства мечтал о литературе. Опубликовал на Западе четыре книги.

Жить на литературные заработки трудно. Вот я и подрабатывал на радио.

Среди эмигрантских писателей я занимаю какое-то место. Увы, далеко не первое. И, к сча-

стью, не последнее. Я думаю, именно такое, откуда хорошо видно, что значит — настоящая литература.

Моя жена — квалифицированная наборщица, по-здешнему — тайпистка. Она набирала для издательств все мои произведения. А значит, читать мои рассказы ей уже не обязательно.

Должен признаться, что меня это слегка травмирует. Я спрашиваю:

— Ты читала мой рассказ «Судьба»?

— Конечно, ведь я же набирала его для альманаха «Перепутье».

Тогда я задаю еще один вопрос:

— А что ты сейчас набираешь?

— Булгакова для «Ардиса».

— Почему же ты не смеешься?

Моя жена удивленно приподнимает брови:

— Потому что я набираю совершенно автоматически.

Навстречу мне спешит экономический обозреватель Чобур. Девятый год он курит мои сигареты. Девятый год я слышу от него при встрече братское: «Закурим!»

Когда я достаю мои неизменные «Голуаз» и зажигалку, Чобур уточняет: «Спички есть».

Иногда я часа на два опаздываю. Завидев меня, Чобур с облегчением восклицает:

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

— Целый день не курил! Привык к одному сорту. Втянулся, понимаешь... Закурим!

Я спросил Чобура:

— Как дела?

— Потрясающие новости, старик! Мне дали наконец четырнадцатый грэйд в тарифной сетке. Это лишние две тысячи в год! Это новая жизнь, старик! Принципиально новая жизнь!.. Закурим по такому случаю.

Напротив кабинета редактора сидит машинистка Полина. Когда-то она работала в нашей франкфуртской секции. Познакомилась с немецким актером. Вышла замуж. Переехала с мужем в Нью-Йорк. И вот этот Клаус сидит без работы.

Я говорю Полине:

— Надо бы ему поехать в Голливуд. Он может играть эсэсовцев.

— Разве Клаус похож на эсэсовца?

— Я его так и не видел. На кого он похож?

— На еврея.

— Он может играть евреев.

Полина тяжело вздыхает:

— Здесь своих евреев более чем достаточно.

Редактор Тарасевич приподнялся над столом, заваленным бумагами.

— Входи, — говорит, — присаживайся.

Я сел.

- Тебе в Калифорнии бывать приходилось?
- Трижды.
- Ну и как? Понравилось?
- Еще бы! Сказочное место. Райский уголок.
- Хочешь еще раз туда поехать?
- Нет.
- Это почему же?
- Семья, домашние заботы и так далее.
- Тем более — поезжай. Отдохнешь, развлечешься. Между прочим, в Калифорнии сейчас — апрель.
- То есть как это?
- Ну, в смысле — жарко. Я бы не задумываясь поехал — солнце, море, девушки в купальниках... Прости, отвлекся.
- Нет уж, продолжай, — говорю.

Редактор продолжал:

- Еще один вопрос. Скажи мне, что ты думаешь о будущей России? Только откровенно.
- Откровенно? Ничего.
- Своеобразный ты человек. В Калифорнию ехать не хочешь. О будущей России не задумываешься.
- Я еще с прошлым не разобрался... И вообще, что тут думать?! Поживем — увидим.
- Увидим, — согласился редактор, — если доживем.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Тарасевич давно интересовался:

— Есть у тебя какие-нибудь политические идеалы?

— Не думаю.

— А какое-нибудь самое захудалое мировоззрение?

— Мировоззрения нет.

— Что же у тебя есть?

— Мирозерцание.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Разница примерно такая же, как между штатным сотрудником и внештатным.

— По-моему, ты чересчур умничаешь.

— Стараюсь.

— И все-таки, как насчет идеалов? Ты же служишь на политической радиостанции. Идеалы бы тебе не помешали.

— Это необходимо?

— Для штатных работников — необходимо. Для внештатных — желательно.

— Ну, хорошо, — говорю, — тогда слушай. Я думаю, через пятьдесят лет мир будет единым. Хорошим или плохим — это уже другой вопрос. Но мир будет единым. С общим хозяйством. Без всяких политических границ. Все империи рухнут, образовав единую экономическую систему...

— Знаешь что, — сказал редактор, — лучше уж держи такие идеалы при себе. Какие-то они чересчур прогрессивные.

Год назад Тарасевич заговорил со мной о штатной работе:

— Ты знаешь, что Клейнер в больнице? Состояние критическое.

(Клейнер был одним из штатных сотрудников.)

Я спросил:

— Думаешь, надежда есть?

— Сто шансов против одного. А значит, освобождается вакансия.

— Я спрашиваю — надежда есть, что он будет жить?

— А-а... Это вряд ли. Жаль, хороший человек был. И не в пример тебе — убежденный борец с коммунизмом.

Пришлось мне объяснить редактору:

— Понимаешь, штатная работа не для меня. Чиновником я становиться не желаю. Дисциплине подчиняться не способен. Подработать — это с удовольствием. Но главное мое занятие — литература.

— Сочувствую, — заметил Тарасевич искренне, без всякого желания обидеть.

Тарасевича два раза отвлекали. Затем он бегал в студию. Затем беседовал по телефону женским голосом: «Кого вам надо?.. Нету Тарасевича. Сама его весь день разыскиваю...» Затем чинил компьютер с помощью ножа для разрезания бумаги. И лишь потом он сформулировал мое задание:

— Едешь в Калифорнию. Участвуешь в симпозиуме «Новая Россия». Записываешь на пленку все самое интересное. Берешь интервью у самых знаменитых диссидентов. Дополняешь все это собственными размышлениями, которые можно почерпнуть у Шрагина, Турчина или Буковского. И в результате готовишь четыре передачи, каждая минут на двадцать.

— Ясно.

— Вот программа. Действуют три секции: общественно-политическая, культурная и религиозная. Намечено около двадцати заседаний. Тематика самая невероятная. От Брестского мира до Ялтинской конференции. От протопопа Аввакума до какого-нибудь идиотского Фета. Короче, Россия и ее будущее.

— Какое же это будущее — Фет, Аввакум?..

— Меня не спрашивай. Есть программа. Пожалуйста — «Эхо Ялтинской конференции. Доклад Шендеровича». Читаю дальше: «Фет — провозвестник еврокоммунизма. Сообщение Фокина». Между прочим, тут есть и о будущем. Вот,

например. «Россия и завоевание космических пространств». «Экуменические центры будущей России». И так далее.

— Сориентируюсь на месте.

— Мероприятие завершится символическими выборами.

— Кого же будут выбирать?

— Я думаю, президента.

— Какого президента?

— Президента в изгнании.

— Президента — чего?

— Я думаю — будущей России. Президента и всех его однодельцев — митрополитов, старост, разных там генералиссимусов... Да что ты ко мне пристал?! Намечено серьезное общественное мероприятие. Мы должны его отобразить. Какие могут быть вопросы?! Действуй! Ты же профессионал!..

Я давно заметил: когда от человека требуют идиотизма, его всегда называют профессионалом.

В Лос-Анджелес я прилетел рано утром. Минут десять простоял около багажного конвейера. На стоянке такси меня порадовало обилие ковбойских шляп.

Сел в машину. Долго ехал по шоссе, все любовался кипарисами. Таксист был одет в жокейскую шапочку с надписью «Янкис», клетчатую

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

рубашку и джинсы. В зубах у него дымилась сигара. Наконец я спросил:

— Далеко еще?

(Такую фразу я способен выговорить без акцента.)

Таксист поглядел на меня в зеркало и спрашивает:

— Земляк, ты в Устьвымлаге попкой не служил? Году в шестидесятом?

— Служил. Не попкой, а контролером штрафного изолятора.

— Второй лагпункт, двенадцать километров от Иоссера?

— Допустим.

— Потрясающе! А я там свой червонец оттянул. Какая встреча, гражданин начальник!

Таксист, как выяснилось, отбыл срок за развращение несовершеннолетней. Потом женился на еврейке, эмигрировал. Купил медальон на такси.

— Жизнью своей, — говорит, — я, в общем-то, доволен. Работаю, женат, имею дочь.

Я зачем-то спросил:

— Несовершеннолетнюю?

— Мишелочка в четвертом классе... У меня такси, жена — бухгалтер. Зарабатываем больше тысячи в неделю. Через день по ресторанам хо-

дим. Что хотим заказываем: сациви, бастурму, шашлык на ребрышках...

— Не похоже, — говорю, — вы тощий.

Таксист снова поглядел на меня:

— Так ведь я кушаю. Но и меня кушают...

Я подумал: вот тебе и Дальний Запад! Всюду наши люди.

К одиннадцати часам я более или менее разобрался в ситуации. Симпозиум «Новая Россия» организован Калифорнийским институтом гражданских прав. Во главе проекта стоит известный общественный деятель мистер Хиггинс. Ему удалось получить на это дело многотысячную субсидию. Приглашено не менее девяноста участников из Америки, Европы, Канады. Даже из Австралии. В том числе — русские ученые, литераторы, священнослужители. Не говоря об американских политологах, историках, славистах.

Кроме официальных участников должны съехаться так называемые гости. То есть самодельные журналисты, безработные филологи, всякого рода амбициозные праздношатающиеся личности.

Задача симпозиума — «попытка футурологического моделирования гражданского, культурного и духовного облика будущей России».

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Объект внимания — таинственное багровое пятно на карте. Пятно, я бы добавил, — размером с хорошую шкуру неубитого медведя.

Разместили нас в гостинице «Хилтон». По одному человеку в номере. За исключением прозаика Белякова, которого неизменно сопровождает жена. Мотивируется это тем, что она должна записывать каждое его слово.

Помню, Беляков сказал литературоведу Эткинду:

— У меня от синтетики зуд по всему телу.

И Дарья Владимировна тотчас же раскрыла записную книжку.

К часу на всех этажах гостиницы «Хилтон» зазвучала славянская речь. К двум по-русски заговорила уже и местная хозобслуга. Портье, встречая очередного гостя, твердил:

— Добро пожалуйста! Добро пожалуйста! Добро пожалуйста!

В три часа мистер Хиггинс провел организационное собрание. К этому времени я уже повидал десяток знакомых. Подвергся объятиям Лемкуса. Выслушал какую-то грубость от Юзовского. Дал прикурить Самсонову. Помог дотащить чемодан сионисту Гурфинкелю. Обнял старика Панаева.

Панаев вытащил карманные часы размером с десертное блюдо. Их циферблат был украшен витиеватой неразборчивой монограммой. Я взгляделся и прочитал сделанную каллиграфическими буквами надпись:

«Пора опохмелиться!!!» И три восклицательных знака.

Панаев объяснил:

— Это у меня еще с войны — подарок друга, гвардии рядового Мурашко. Уникальный был специалист по части вышивки. Поэт, художник...

— Рановато, — говорю.

Панаев усмехнулся:

— Ну и молодежь пошла.

Затем добавил:

— У меня есть граммов двести водки. Не здесь, а в Париже. За телевизор спрятана. Поверьте, я физически чувствую, как она там нагревается.

Панаев был классиком советской литературы. В сорок шестом году он написал роман «Победа». В романе не упоминалось имени Сталина. Генералиссимус так удивился, что наградил Панаева орденом.

Впоследствии Панаев говорил:

— Кровожадный Сталин наградил меня орденом. Миролюбивый Хрущев выгнал из пар-

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

тии. Добродушный Брежнев чуть не посадил в тюрьму.

Отмечалась годовщина массовых расстрелов у Бабьего Яра. Шел неофициальный митинг. Среди его участников был орденосец Панаев. Он вышел к микрофону, начал говорить. Раздался выкрик из толпы:

— Здесь были расстреляны не только евреи.

— Да, — ответил Панаев, — верно. Но лишь евреи были расстреляны только за это. За то, что они евреи.

Мистер Хиггинс рассказал нам о задачах симпозиума. Вступительную часть завершил словами:

— Мировая история едина!

— Факт! — отозвался из своего угла загадочный религиозный деятель Лемкус.

Мистер Хиггинс слегка насторожился и добавил:

— Убежден, что Россия скоро встанет на путь демократизации и гуманизма!

— Факт! — все так же энергично реагировал Лемкус.

Мистер Хиггинс удивленно поднял брови и сказал:

— Будущая Россия видится мне процветающим свободным государством!

— Факт! — с тем же однообразием высказался Лемкус.

Наконец мистер Хиггинс внимательно оглядел его и произнес:

— Я готов уважать вашу точку зрения, мистер Лемкус. Я только прошу вас изложить ее более обстоятельно. Ведь брань еще не аргумент...

Усилиями Самсонова, хорошо владеющего английским, недоразумение было ликвидировано.

Мистер Хиггинс дал нам всевозможные инструкции. Коснулся быта: транспорт, стол, гостиничные услуги. Затем поинтересовался, есть ли вопросы.

— Есть! — закричал Панаев. — Когда мне деньги вернут?

Самсонов перевел.

— Какие деньги? — удивился Хиггинс.

— Деньги, которые я истратил на такси.

Хиггинс задумался, потом мягко напомнил:

— Лично я доставил вас из аэропорта на своей машине. Вы что-то путаете.

— Нет, это вы что-то путаете.

— Хорошо, — уступил мистер Хиггинс, — сколько долларов вы израсходовали?

Довлатов С.
Д 58 **Филиал : Записки ведущего / Сергей Довлатов.** — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 192 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10943-8

Сергей Довлатов родился в эвакуации и умер в эмиграции. Как писатель он сложился в Ленинграде, но успех к нему пришел в Америке, где он жил с 1979 года. Его художественная мысль при видимой парадоксальности, обоснованной жизненным опытом, проста и благородна: рассказать, как странно живут люди — то печально смеясь, то смешно печалясь. В его книгах нет праведников, потому что нет в них и злодеев. Писатель знает: и рай, и ад — внутри нас самих. Верил Довлатов в одно — в «улыбку разума».

«Филиал» — последняя завершенная книга Сергея Довлатова. Прибыв в середине 1980-х годов в Лос-Анджелес на эмигрантский симпозиум «Новая Россия», герой-рассказчик встречает подругу своей юности, в результате прошлое, настоящее и будущее завязываются в единый, неразрывный узел...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ФИЛИАЛ

Записки ведущего

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.09.2017.
Формат издания 70 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 8,46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru



Y-LAP-18974-02-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01.

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors